

«Дискурс научности» и научные дисциплины

Павлов-Пинус К.А.

Аннотация: В фокусе статьи – понятие научного дискурса. Проблема заключается в том, что дискурсивные особенности научных дисциплин сами по себе не являются чисто теоретическими компонентами, а выполняют иную, вне-теоретическую работу. Выявление дискурсивных особенностей «научного дискурса» проводится с помощью ряда оппозиций: различия между риторическим и теоретическим дискурсом, «игровым» и «серьезным» дискурсом, а также различием между предметной и коммуникативной интенциональностью дискурсов.

Ключевые слова: дискурс научности, риторический/теоретический дискурс, предметная и коммуникативная интенциональности

Цель данной заметки – подключиться к дискуссиям, начатым в 1-м томе коллективного исследования («Дискурс-анализ и дискурсивные практики») и которые получили свое продолжение в обсуждениях после выхода этой монографии в свет. Как ни странно, много споров породил концепт «научный дискурс». Были высказаны мнения о неопределенности границ этого концепта (Г.Гутнер, Н.Мурзин) и даже было предположено, что само это словосочетание не имеет права на существование (Ф.Блюхер). Здесь мы постараемся более подробно осветить этот вопрос, как его проблемные, так и конструктивно решаемые стороны.

Определения дискурса вообще. Начнем с общего определения дискурса. Я присоединяюсь к позиции тех авторов, которые утверждают, что не существует, и в принципе не может существовать, единственно правильного определения дискурса (в явном виде это оговаривалась в статьях: Гутнер, с. 30; Гурко, Введение). Самый концепт «дискурс» представляет собой семейство понятий, множественность которого нередуцируема к терминологическому единству. Своего рода перформативным обоснованием этому положению дел служит сам же 1-ый том коллективной монографии: все статьи в нем ведут разговор о «дискурсе», они существенно перекликаются друг с другом в различных аспектах, но понятие дискурса в каждой статье остается особенным, не сводимым к аналогичным понятиям в смежных работах. Таким образом, наличие теоретического напряжения и смысловой переклички между разными подходами говорит об общности семантических корней, а концептуальные разногласия в вопросах определения дискурса и понимания самой его природы

свидетельствуют о невозможности их обобщения в некоем унифицирующем конструкте. Поэтому остается только принять это положение дел как есть. Это никак не может повлиять на эффективность того или иного дискурс-анализа: здесь вполне можно исходить из имеющего многообразия пониманий природы дискурсивности, результативно продолжая дело классификации существующих дискурсов и идентификации новых, а также задачу описания дискурсивных структур и способов их функционирования.

Научный дискурс – в чем проблема? Как я уже сказал, множество споров возникло вокруг словосочетания «научный дискурс». В какой мере это словосочетание осмыслено и вообще оправдано? Проиллюстрируем складывающуюся проблему следующим примером. Рассмотрим для начала словосочетание «политический дискурс». Оправданность этого словосочетания обусловлена тем, что политический дискурс не только является дискурсом о политике, но и сам по себе является явлением политическим. Таким образом «политическим» этот дискурс является в обоих указанных смыслах. Но вот и возникает вопрос: является ли научным т.н. «научный дискурс»? Верно ли что «научный дискурс» помимо всего прочего сам по себе обладает статусом научности? Но что это тогда – некая новая научная дисциплина или же просто многообразие существующих научных дисциплин, объединенных под «шапкой» данного словосочетания? Что именно призван обозначить концепт «научный дискурс», если он ничего не прибавляет к понятию научности как таковой?

Чтобы заранее избежать только что обозначенной путаницы мы будем говорить о «дискурсе научности», а не о научном дискурсе. В словосочетании «дискурс научности» нет априорной претензии на то, что сам этот дискурс также является научно значимым явлением. Здесь обозначена лишь констатация того, что мы хотим иметь дело с дискурсивными особенностями научных практик, как они имеют место быть. В какой мере дискурсивные особенности научной коммуникации значимы для самой науки и ее теоретических результатов, это вопрос, который еще необходимо корректно поставить и осмыслить.

Введем теперь несколько полезных определений, которые нам понадобятся для рассуждений о своеобразии дискурса научности. Это во-первых, различие между «риторическими» и «теоретическими» дискурсами (обусловленное различием в конечных целях и темпоральной специфике тех сообществ, которые организуются соответствующими дискурсами), во-вторых, различие между «игровыми» и «серьезными» дискурсами (проходящее по линии различия подразумеваемых

онтологий) и, в-третьих, это понятие интенциональности дискурса (в которое необходимо включать не только интендируемую предметность дискурса, но и коммуникативные интенции).

Риторическая дискурсивность и теоретическая дискурсивность. Это разделение не является строгим и однозначным, так как всякий теоретический дискурс прибегает к риторике, а риторика использует теоретические построения. Но смысл этого различия конституируется не столько дискурсивными методами, сколько соответствующими целями: целью риторической дискурсивности является убеждение «целевой аудитории», как правило здесь и сейчас наличествующей и готовой к принятию решений на основе складывающихся вод воздействием дискурсивной риторики убеждений. Цель риторической дискурсивности – формирование образов действия и практических диспозиций. В этом смысле риторическая дискурсивность ориентирована на формирование локальных по времени социальных групп, готовых здесь и сейчас принимать решения и действовать. Риторическая дискурсивность не самоцельна: она всегда имеет своей целью что-то иное, внешнее по отношению к ней самой – например, политический успех, финансовую результативность, карьерный рост, публичное влияние, и т.п.

Целью же теоретической дискурсивности является создание теорий, и, стало быть, формирование (транс-темпоральных) сообществ, разделяющих открываемую теоретическим дискурсом форму понимания (нацеленную на определенную региональную онтологию). Теоретические формы понимания по природе своей самоцельны (в отличие от риторических форм понятности) – сами по себе они и есть конечная цель вовлеченности в теоретический дискурс. На основе существующих форм теоретического понимания может быть организована теоретически ориентированная коммуникация, нужная исключительно для того, чтобы увеличить глубину и корректность теоретической понятности. Все прочие изводы научных результатов являются внешними и случайными по отношению к ней (практическая полезность, разрушительные последствия некоторых научных открытий и т.п.). Заметим, что теоретическая дискурсивность служит делу «убеждения» (как и риторическая дискурсивность), а коммуникация на ее основе является социальным действием (как и в случае риторической дискурсивностью) лишь в той мере, в какой это всё содействует увеличению теоретической понятности. Ни формирование практических диспозиций, ни эффекты социального действия здесь не являются самоцелью. Поэтому теоретический дискурс нельзя рассматривать как частный случай риторического

дискурса несмотря на то, что в отрыве от контекста «теоретическую понятность» можно толковать как частный случай «убеждения», а научную коммуникацию – как частный случай социального действия. Повторимся, целью теоретического дискурса является он сам и та понятность, которую он формирует; целью же риторического дискурса всегда является что-то иное и внешнее по отношению к нему.

«Игровые» и «серьезные» дискурсы. Для того чтобы выявить своеобразие научной дискурсивности, введем одно существенное различие: между «игровым» Д и «серьезным» Д. Начнем с примеров. Семейство математических дискурсов имеет смысл называть игровым по той простой причине что как только математик перестает заниматься математикой и, скажем, окунается в свою повседневную жизнь, не связанную с математикой, он покидает пределы математического дискурса. При этом он не совершает никакого «предательства» по отношению к математике: правила игры в математику не подразумевают никакого сакрального расположения к математике ни «на входе», ни «на выходе». Возврат в математическому дискурсу столь же прост как и выход из него. Как только возникло желание заняться математикой, или же пришло время вернуться к студентам и лекциям, то математик просто возвращает себя в определенный модус понимания вещей и соответствующие модусы коммуникации.

Итак «игровым» будем называть всякий дискурс выход из которого и возврат в который не подразумевают никакого специального дополнительного «оправдательного усилия».

Серьезные дискурсы отличаются от игровых тем, что им внутренне присуще что-то вроде обета вечной и непреложной верности в любой ситуации. Таковы, например, этические дискурсы. Невозможно в одно время быть этичным, а в другое нет; подобное свободное плавание через границу этичности перечеркивает полностью самый смысл этичности. Перед тем, кто «всерьез» принимает этический дискурс, стоит перманентная задача нащупывания, прочерчивания границ этого дискурса, поскольку сам этот непростой вопрос входит в смыслоформирующее его средоточие. По тому же принципу – принципу невозможности безнаказанного выхода за пределы дискурса – устроены и религиозные, и мировоззренческие дискурсы (независимо от той или иной их этической оценки). Коммунистические и фашистские дискурсы в этом структурном плане ничем не отличаются дискурсов этических, или, например, от христианского дискурса; различия заключаются только в оценке преступления, связанного с переходом границ (муки совести, общественное осуждение, принятие смерти от руки «товарищей», вечное раскаяние и т.п.).

Между прочим, среди всех теоретических дискурсов, пожалуй, только философский Д можно считать «серьезным», в частности, поскольку этика является одним из краеугольных камней философии. (Вспомним, к примеру, что об этом говорил Аристотель: философия – это образ жизни, а не только лишь образ мысли, и дискурсивная особенность этого образа жизни связана с идеей абсолютно личной ответственности за любые поступки, решения и речения, судьба Сократа – парадигмальный тому пример). Это, кстати, говорит и об оправданности словосочетания философский дискурс в отличие от словосочетания «научный дискурс». Философский дискурс философичен и по предмету, и по способу своего жизненного осуществления.

Если теперь перейти от иллюстративных пояснений к более предметному разговору, то различие между этими типами дискурса можно определить исходя из соответствующих онтологических ориентиров. «Серьезные» дискурсы – религиозные, философские, идеологические и т.п. дискурсы – формируют свою предметность из идеи мира-в-целом и жизни-в-целом. Благодаря этому происходит полагание своего рода безусловных границ, организующих наш «мир» как таковой в его принципиальных моментах, и, стало быть, самое понятие безусловного вводится в нашу социальную жизнь в качестве осмысленного слова, по поводу которого мы имеем возможность спорить, говорить что-то содержательное или же позволяющего одним отдавать «необсуждаемые приказы» одним, а другим безоговорочно исполнять их.

Игровые же дискурсы – научные, чисто политические, профессиональные и т.п. – устроены так, что их предметность имеет своим истоком соответствующие региональные онтологии. Именно за счет региональности имеет место «несерьезность» игровых дискурсов друг по отношению другу: оставаясь «серьезными» внутри самих себя (т.е. просто верными своим собственным конститутивным правилам), они, тем не менее, не претендуют на некую теоретическую и практическую исключительность в безусловном смысле в пределах всей совокупности дискурсов.

Интенциональность дискурсов. Важно отметить еще одно общее свойство, характерное для всех дискурсов – любой дискурс имеет интенциональную структуру, т.е. он интенционален, «направлен на...» свое собственное тематическое поле. Помимо направленности на предметное поле, дискурсивная интенциональность включает в себя и пучок коммуникативных интенций, которые могут существенно разниться между собой в зависимости от того типа дискурса, с которым мы имеем дело (серьезным, игровым, теоретическим и т.п.). Об этой двунаправленности дискурсивной

интенциональности важно помнить еще и потому, что именно коммуникативные интенции является «местом» совершения дискурсивных ошибок (ошибок, свидетельствующих о непринадлежности автора ошибки компетентному сообществу, объединенных между собой особой дискурсивной общностью). Дискурсивные ошибки следует строго отличать от ошибок «предметных» (например, чисто теоретических). Об этом мы чуть более подробно поговорим в самом конце нашей работы.

Вопрос о предметности дискурса научности. Вернемся теперь к понятию «дискурса научности» и рассмотрим одну сложность. Известно, что существует такое представление о науке: вся совокупность научных дисциплин сама по себе уже не региональна, как то имеет место в случае каждой отдельной научной дисциплины; ей соответствует некая универсальность (совокупность предметностей) – и, стало быть, по ту сторону наук нет никакой онтологии вообще. И поэтому наука всеобща и универсальна.

Ясно, тем не менее, что это некая «серьезная» метафизическая позиция (т.е. точка зрения, озвученная с позиций определенного «серьезного» дискурса), которая, однако, явно противоречит «игровому» духу научных дисциплин (в том смысле, который мы придали слову «игра» выше). Возникает стало быть, такой вопрос: а можно ли сказать, что эта метафизическая позиция действительно отражает «научный дискурс» как таковой, как нечто целое? Можно ли утверждать что дискурс научности, преломленный через данную метафизическую позицию, отражает универсальную суть научности как таковой? Думается, что нет. Ответ можно обосновать довольно простыми соображениями.

Дело в том, что *объединению* научных дисциплин соответствует *пересечение* региональных онтологий (поскольку две научные дисциплины могут сообща рассматривать только то, что есть у них общего, т.е. то, что лежит в пересечении двух данных научных предметностей). Но это значит, что если мы рассмотрим всю совокупность научных дисциплин, то мы без труда увидим, что это пересечение является пустым. Грубо говоря, совокупности всех научных дисциплин ничего онтологически конкретного не соответствует. Что это значит?

Ответ таков: дискурс научности как нечто целостное *чисто формален* в онтологическом отношении. Он не перестает от этого быть интенциональным, поскольку он имеет ввиду любой могущий быть данным предмет (т.е. подразумеваемая дискурсом научности онтология ни региональна, ни универсальна, а чисто формальна). Фактически речь идет о том что ДН имеет своим предметом любое нечто – но,

разумеется, в определенном отношении. ДН отнесен ко всякому предмету вообще могущему стать предметом научного исследования – это означает возможность априорного усмотрения в какой угодно вещи а) предмета целенаправленного обсуждения, 2) возможность неограниченной воспроизводимости последовательных рассуждений о данном предмете, 3) возможность неограниченной критики существующих рассуждений о данном предмете по определенным правилам. Еще это, между прочим, означает и то, что с точки зрения ДН нет никаких *содержательных* запретов на тему обсуждения, только *формальные*, связанные с правилами коммуникации.

Отсутствие интендируемой онтологии не означает, что научность как таковая не предполагает вообще никакой онтологии. Она 1) предполагает наличие формальных схем соотнесенности с каким бы то ни было предметом, и еще 2) она предполагает особого рода социальную онтологию, т.е. онтологию соответствующим образом организованного интерактивного социального пространства. Формально-онтологические схемы и определенного рода социальные онтологические структуры – вот что предполагается условиями возможности дискурса научности.

Эти моменты позволяют провести важную границу между дискурсивностью научной и ненаучной. Несмотря на то, что дискурс научности может иметь своим предметом всё что угодно (и в этом смысле он является универсальным), он не становится от этого «серьезным» дискурсом и не теряет своей принципиально «игровой» природы. Именно из своеобразия игровой компоненты вырастает логика научной этики и корни ее социальной ответственности. Наука знает о принципиальной обусловленности *всех* своих частных результатов (которые уже имеются или еще только будут когда-либо получены), поэтому никакая совокупность наук никогда не будет иметь своим предметом мир-в-целом и жизнь-в-целом в некоем безусловном смысле. (По-видимому, лучше всего эта мысль была высказана Кантом: безусловное находится в исследуемом предмете лишь в той мере, в какой мы этот предмет не знаем). Имея формальную возможность анализировать всё что угодно, она оставляет *возможность* для усмотрения принципиальных альтернатив, открытую в бесконечное будущее.

Специфика коммуникативной интенциональности «дискурса научности».

Итак дискурс научности по самому своему замыслу является дискурсом 1) «игровым», 2) «теоретическим» и 3) обладающим своими специфическими чертами интенциональности. Всё это отличает дискурс научности – весьма по разному и в

различных смыслах – от философии, с одной стороны, мировоззрений, идеологии, мифов, с другой стороны, от языков политики, профессиональных жаргонов, и т.п. с третьей стороны. И, как кажется, в рамках указанных определений и различий дискурс научности вполне имеет свое право на существование как особого рода концепт, схватывающий определенный тип феноменов научного теоретизирования и общения.

Напоследок обозначим одну важную особенность коммуникативной интенциональности дискурса научности, которую здесь мы детально описать не сможем, но постараемся хотя бы проблематизировать и локализовать. Представляется существенным указать на то, что научный дискурс манифестирует себя отнюдь не только в формальных конструкциях объект-языка, т.е. далеко не только на том уровне, где с предельной строгостью доказываются теоремы в математике, формулируются теоретические положения физики, химии и биологии, и т.п. Иными словами, дискурс научности проявляет себя не только там, где он сказывается об истине своих региональных онтологий – но и в том, *как именно* он сказывается об истине на уровне языковых конструкций и приемов, казалось бы, вторичной и третичной важности.

Из своего личного опыта я могу привести следующий пример. На заре перестройки, когда у российских ученых появилась возможность опубликования своих монографий в зарубежных издательствах, мне довелось корректировать перевод математического текста, выполненного профессиональным филологом, совершенно не знакомым, однако, с соответствующей математической проблематикой. Причиной моего (профессионально математического) вмешательства была следующая реакция издательства на перевод филолога: «Если бы не математические формулы, то смысл книги был бы совершенно непонятен». Дело, разумеется, не в неправильности английского как такого, с английским самим по себе, в отрыве от математического контекста, было всё в порядке. Дело было в том, что это был английский никак не коррелирующий с типичным для данной математической дисциплины способом обмена идеями. Это значит, что необходимо строго отделять дискурсивные ошибки от ошибок «предметных», внутри теоретических.

Поэтому можно прийти к следующим предварительным выводам.

1) Ошибки перевода математического текста с одного языка на другой представляют собой особый – дискурсивный – тип: ошибка переводчика, не понимающего того, о чем он пишет. Сам по себе чисто математический (формульный) текст, при всей его правильности, не презентует научного дискурса во всей его полноте. Во всем своем объеме дискурс научности представляется далеко не только

теоретически истинными положениями и результатами, выраженными на объект-языке. Тот же эффект получается, когда науку пытаются популяризировать журналисты, плохо понимающие предмет соответствующей науки. При всей правильности теоретических положений, которые они цитируют, самый способ говорения о научных результатах остается вне дискурса научности.

2) И наоборот, если бы речь шла об ошибке в доказательстве, то это была бы не дискурсивная, а чисто теоретическая ошибка (т.е. ошибка такого рода, которые зачастую свидетельствуют как раз о профессиональной компетентности автора ошибки, но обнаруживают лишь некую невнимательность или логическую неточность построений). Ведь хорошо известно, что «великие» ошибки совершаются только «великими» специалистами в своем деле. Таким образом, в данном случае речь должна идти о предметных, а не дискурсивных ошибках.

Это позволяет сказать, что дискурс научности представлен не только профессиональным жаргоном своего *предметного* (т.е. «объектного» и терминологически проясненного) языка, но и неизбежно сопутствующим ему «облаком» дискурсивных оборотов, характеризующих речь специалиста, и, к примеру, мгновенно отсеивающих людей некомпетентных в данной области.

Таким образом, остается непроясненным вопрос о том, является ли это «облако» только системой специфических меток, играющих роль маркировки принадлежности по принципу свой/чужой, или же чем-то теоретически более значимым. Ведь в конце концов и на уровне объект-языка теоретический язык насквозь пронизан метафорами, которые являются полезными теоретическими фикциями именно как метафоры, а не просто как научные термины, метафорическим слоем которых можно было бы пренебречь. Устранение всего метафорического слоя из научного текста сделало бы самый текст принципиально непонятным; как например, становится непонятным доказательство математического результата, переведенное на язык первопорядковой логики, в случае если такое возможно. Мне кажется, что такого рода дискурсивные обороты являются не только маркерами цеховой принадлежности, но и в значительной мере символической разметкой, *определяющей тактику внимания и расстановку акцентов при прочтении и интерпретации научных текстов*. Это своего рода партитура, кодирующая важные элементы научной речи. Однако эта гипотеза требует своего дополнительного исследования.

Библиография

1. *Огурцов А.П.* Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С.12 - 59.
2. *Кротков Е.* Научный дискурс. Современный Дискурс-анализ. Вып.2.Т. 1 (2010), www.discoursanalysis.org.
3. Дискурс-анализ и дискурсивные практики. Коллективная монография, (авторы А.П.Огурцов, С.С.Неретина, С.Л.Гурко, Ф.Н.Блюхер). М.: ИФ РАН, 2016.
4. *Манин Ю.И.* Математик как метафора. М.: Изд-во МЦНМО, 2008.